

Воспоминания о войне

Это воспоминания моего прадедушки – Егора Петровича Нарожного. Он писал их долгие годы, собирая в памяти информацию по крупницам. После смерти Егора Петровича очерк завершила его дочь.

«С чего начать наш разговор?»

Наверное, начинать надо с начала начал.

Родился я в апреле 1931года-шел 14-й год Великой Октябрьской Социалистической революции. Родители мои: отец Петр Архипович и мать Пелагея Марковна - оба 1907года рождения...

Наступил 1941-й год. В этом году я закончил 3-й класс. Во время каникул я часто бывал с отцом на ферме, а когда коров вывели на летние пастбища в поле. Приходилось пасти их и ночью, что мне очень нравилось. Все, вроде бы, складывалось хорошо, но старшие - наши отцы и матери-становились все озабоченнее, угрюмее, все чаще в разговорах старших упоминалось тревожное слово «война». И война пришла. 22 июня немцы без объявления войны начали бомбить наши города и села, их танковые полчища начали давить гусеницами все живое на нашей земле, все растущее на ней.

Но до моего сознания совершившееся дошло позже, через неделю. В этот день 29.06 родители, взяв в колхозе одноконную подводку, поехали рано утром на базар в Богучар. А в 8 часов утром к нам домой принесли из с/с повестку на имя Нарожного Петра Архиповича 1907 года рождения, обязывающую его явиться в военкомат как мобилизованного в ряды Красной Армии, уже сражавшейся с напавшими на нашу родину фашистами. Вот только теперь, когда в наш дом пришли все наши родственники, соседи, когда раздались в доме плач и причитания, до моего сознания дошло, что случилось что-то страшное, что началась ВОЙНА! Повестки о призыве в тот день получили 18 терешковцев, папиных сверстников, поэтому и по всему селу раздавались плач, крики, во всех дворах мобилизованных

готовились к проводам, причем проводам спешным, т.к. отправка назначена была в тот же день после обеда.

Пришедшие к нам в дом дяди и их жены стали готовить все к проводам, а мы с братишкой Петей (он моложе меня на 4 года) пошли пешком по дороге, ведущей в Богучар, чтобы сказать родителям о том, что папу зовут на войну. Встретили мы родителей на полпути на лугу. Они уже знали о призыве и поэтому покинули базар, ничего не купив. Мама плакала, а отец успокаивал и ее, и нас, бодрился, говорил, что вот поедет на войну, поможет Красной Армии разбить фашистов, и с победой вернется домой.

Дома уже все готово было: накрыт стол, все родственники собрались. Старшие братья отца - Яков Архипович, 1891 года рождения и Гавриил Архипович, 1896г.- за столом, как более опытные, давали отцу наставления, уговаривали нашу мать и свою маму - нашу бабушку, жившую в нашей семье, не плакать, терпеливо ждать солдата с войны домой, обещали нашему отцу, что они не оставят в беде нашу семью, будут всемерно помогать. Дядя Гавриил, бывший красный партизан, прошедший всю гражданскую войну, давал отцу наставления, как вести себя в боях с врагом, чтобы и противника одолеть, и самому целым и невредимым выйти из боя. Бабушка и мама собирали папин вещмешок, постоянно плакали. Мы с Петей и Любой, глядя на старших, тоже плакали. отец то и дело обнимал нас, а Любу с рук не спускал и тоже был в слезах. На всю жизнь мне запомнились эти провода: небритое, колючее папино лицо, его заплаканные глаза, мамин и бабушкин плач, плач теток и наших старших двоюродных сестер, всеобщая скорбь и суматоха. Но вот папино лицо, как ни стараюсь, вспомнить не могу, и ни одной фотографии отца в доме не сохранилось: то ли их вообще не было, то ли они пропали во время фашистской оккупации... Но время неумолимо приближало момент расставания - и вот уже возле нашего дома остановилась подвода, на которой призванных на войну везли к

с/совету, а вслед за нею шли те, кому Родина поручала свою защиту от врага, толпой шли их жены, матери, дети, раздавались плач, причитания-картина не из веселых, никак не способствующая тому, чтобы запеть или пуститься в пляску, как показывают в некоторых кинокартинах.

Вышли и присоединились к провожающим и наши родители, и все родственники, проводили воинов за околицу. Дальше отец не разрешил нам идти и мы долго-долго стояли на дороге за селом, махали руками вслед ушедшим. А потом вернулись в опустевший дом. Долго-долго все наши родичи обсуждали с бабушкой и мамой как нам теперь жить, как держаться, как поддерживать друг друга, звучали наказания нам, детям, слушаться маму и бабушку, помогать им по хозяйству, не обижать младших.

Вот теперь только, когда отец ушел из дома, ушел на войну и было неизвестно, вернется ли он, только теперь дошло до моего детского сознания, что действительно началась война, совершилось что-то страшное, непоправимое. И, наверное, в эти часы и закончилось детство, хотя и было мне всего десять лет. Теперь надо было не только готовиться к занятиям в школе, а и выполнять домашние мужские дела- теперь я был старшим мужчиной в доме и на меня возлагалась ответственность за состояние домашнего хозяйства, за его благополучие, обустроенность, за то, чтобы младшие братик и сестренка не были обижены какими-нибудь драчунами, чтобы они не забрели куда-либо, не заблудились, не пошли без надзора к Дону, не утонули там и т.д.

Непомерная, неподъемная ноша легла на мамины плечи: надо было готовиться к будущей зиме, готовить топливо для обогрева дома, готовить корма для коровы и пары овец, готовить одежду и обувь для детей на зиму, заботиться о том, чтобы было чем зимой кормить – поить семейство (трое детей и престарелая полуслепая свекровь), каждый день с утра до позднего вечера без выходных работать на колхозных работах... и...ждать, постоянно ждать весточки от ушедшего на войну солдата. Ожидание

писем стало и для нас, детей, основной заботой: к тому времени, когда должен был появиться почтальон, мы всегда сидели в ожидании на скамеечке у дома. И не было радостнее события, когда почтальонша приносила долгожданный треугольник солдатского письма. Этот треугольничек, как самая большая драгоценность прятался за пазуху и бдительно хранился там до прихода мамы с работы. По прибытии мамы, уже вечером, при свете семилитровой керосиновой лампы я, как единственный в семье «грамотей» (мама на занятиях в «ликбезе» с трудом научилась расписываться) начинал чтение отцовской весточки, а все остальные внимательно слушали. Отец писал, что прибыл в часть, получил обмундирование. Учится военному делу, учеба трудная, скучает очень, спрашивает, как мы тут живем без него, передает приветы братьям и их семьям, соседям, наказывает нам, детям, слушаться маму и бабушку, помогать им, заботиться друг о друге, особенно о маленькой Любе; особые наказы мне, старшему «мужику» в доме: во всем помогать маме по хозяйству, заботиться о младших братике и сестренке и о старенькой бабушке. И я, как мог, старался следовать наказам отца: заготавливал траву на вечер для коровы, встречал ее и провожал домой из стада, готовил дрова и кизяки для печки и т.д.

А война делала свое черное дело: к осени через село начали двигаться беженцы с западных областей Украины. Их рассказы о брошенных домах, селах, городах, о жутких бомбежках будоражили, вселяли ужас, безнадежность, убивали надежду на скорое окончание войны, на возвращение домой ушедших на войну солдат.

В село стали приходить страшные «казенные» конверты с похоронками, то в одной части села, то в другой с их приходом раздавались душераздирающие крики, плач, стенания осиротевших детей, вдов, матерей погибших воинов. Тревога ни на минуту не покидала семьи тех, кого еще не посетила страшная весть.

Неумолимо приближалась зима, а с нею и заботы: как одеть-обуть детей, где взять топливо для обогрева дома, как заготовить корм для коровы-кормилицы. Мама брала меня с собой и мы с нею – она косила., а я подгребал и стаскивал в валки- заготовливали мышей, отросший после уборки хлебов на полях- это был хоть какой-то корм для коровы. Там же после уборки хлебов почему-то выросло много кустов перекасти-поля - его мы собирали как топливо для печки. Это растение похоже на большущего, до полуметра высотой, свернувшегося ежика, такого же неприступно колючего. А его ведь надо было брать голыми руками и переносить в одну кучу, чтобы потом, когда мама выпросит у колхозного бригадира арбу и придет на поле, погрузить эту кучу в арбу, отвезти домой, выгрузить... Адская, скажу я вам, работа: исколотые руки, колючки за шиворотом, под рубахой... Но зато как жарко горят эти колючки в печке!

Лето заканчивалось, приходила пора идти в школу: надо обуться, одеться, купить ручку, перья, карандаши, чернила, тетради (учебники нам выдавали в школе)- для мамы это опять головная боль, т.к.для покупок требовались денежки, а где их было взять! Одна надежда на корову-кормилицу, но молочко требовалось в первую очередь сдать государству-до 800 л в год, а потом уже из оставшегося приготовить масло, отнести его в город на базар и выручить требуемые рубли - копейки для всего необходимого. Поэтому в школе ребята выглядели совсем не так, как сегодняшние школьники: редко на ком было пальтишко, большинство одеты были в куфаечки, обуты в латаные ботинки.

Как и раньше, в 4-м классе учился я отлично. Александра Ивановна Шубина, моя учительница, ценила меня, часто приглашала к себе домой (она жила в маленькой квартире при школе), угощала своими кушаньями. Особенно запомнились ее пирожки с картошкой: до сей поры мне кажется, что вкуснее тех пирожков я не встречал ни дома, ни в различных предприятиях общепита. И только потом, уже во взрослой жизни, я понял,

что эти угощения моей любимой учительницы были поддержкой моей матери в ее борьбе с нуждой.

Пришла зима. Такой зимы я на своем веку больше не видел: наш дом был так засыпан снегом, что мы с санками залезали по сугробу до самой дымовой трубы и оттуда спускались, как с горы, на улицу.

Шел 1942-й год. Война ни на минуту не давала передышки: почти каждый день в нашем доме на ночевку останавливались беженцы, а потом и солдаты отступавшей Красной Армии, набивалось столько народу, что ногой ступить было некуда. Мы, детвора, забивались к бабушке на печку и оттуда наблюдали за всем, что творилось в доме.

Трудная зима не прошла даром: в конце зимы мы, детвора, все трое заболели, и мама была вынуждена отвезти нас в Богучарскую больницу. В больнице у нашей Любы приключилось воспаление легких, ее перевели в отдельную палату и она там умерла, но нам с Петей мама твердила, что с Любой все хорошо, но к ней врачи не пускают. И только спустя неделю, когда мы с Петей выздоровели, и мама приехала за нами, мы узнали, Любы больше нет. Это было потрясением для нас. Но чего стоило это событие маме! Ведь, посещая нас в больнице, она и виду не подавала, успокаивала нас, говорила, что Люба поправляется, скоро ее отпустят домой... Отпустили!

Многоснежная зима вызвала и небывалый паводок весной: целая улица «Цыганок» была затоплена, вода, залив овраг, дошла до его вершины, т.е. до места, где теперь расположен медпункт. Почти все жители затопленной улицы вынуждены были покинуть свои жилища и переместиться к родственникам, или просто к добрым людям, на «сухие» улицы села. Переехали и к нам наши родственники - семья маминого брата со своим скарбом и животными. Семья увеличилась - теперь в нашей не очень-то просторной хате размещалось 8 человек. Но...в тесноте - не в обиде: нужда и война как-то сблизили людей, горе делилось на всех поровну.

Летом усилился поток беженцев и отступавших военных. Узенький наплавной мостик через Дон не вмещал всех желающих попасть на Левый

берег, и солдаты использовали все, на чем можно было переправиться: лодки, челны, просто бревна, доски, ворота и калитки, снимаемые во дворах терешковцев. Особенно усилилась паника, когда начали летать немецкие самолеты - сначала разведчики, а потом и бомбардировщики. Мы, пацаны, собирались стайками и наблюдали за страшной каруселью над переправой в Галиевке: навстречу вражеским самолетам вылетали один-два наших истребителя, пытавшихся защитить беженцев и военных, но куда там - немецких самолетов было много, они прорывались к переправе, сбрасывали бомбы и звуки разрывов доносились даже до нас в Терешково. Потом немцы стали налетать и на нашу терешковскую переправу: бомбы падали в Дон и фонтаны от разрывов их поднимались выше нашей церкви и, наверное, под эти разрывы попадали и те, кто пытался переправиться через Дон. Вокруг села паслись лошади, коровы, овцы, брошенные беженцами, и немецкие летчики, наверное, приняв животных за наших солдат, сбрасывали бомбы туда и животные гибли под взрывами. Потом налеты начались и по ночам. В одну из таких ночей погиб дедушка Зубков Савелий: крест на его могиле и поныне стоит метрах в 15 за ларьком Сошнева. В ту же ночь от разрыва бомбы сгорела хата Цыбулиных - это в трехстах метрах от нашей хаты. Страшные, разрывающие барабанные перепонки звуки разрывов бомб, их ужасающий вой перед взрывом вселяли такой страх, что казалось душа, расстаётся с телом. Не знаю как другие, но я так боялся этих ночных налетов, что мама, накрыв меня одеялом, одеждой, укрывала меня своим телом и не могла удержать - так я дергался, рвался, будто можно было куда-то убежать, спрятаться от этого ада. Много-много лет прошло с тех пор, но кошмары тех ночей снятся и сегодня. Спасаясь от бомбежек, мама вырыла в гущине тернового куста на огороде ямку, способную вместить нас четверых, кое-как укрывала ее, и мы там «спасались» от налетов.

В этой ямке и нашел нас немецкий солдат, вооруженный винтовкой с примкнутым штыком-кинжалом. Прячась в нашем «окопе», мы и не знали - не видели, когда фашисты вошли в село. Немец штыком откинул

закрывававшее вход в ямку одеяло и с криком «Вэx!» заставил нас покинуть наше убежище и погнал нас в центр села, к церкви, где уже были собраны все жители Терешково, еще оставшиеся в селе. В состоянии ужаса, паники мама подхватила и понесла с собой старую-престарую перину и несла ее, как драгоценность, всю дорогу. А дома остались и корова, и овечки. Построив в подобие колонны, немцы погнали нас из села по дороге в Дьяченково. Во главе «колонны» шел дед Данила Цыркунов, который, побывав во время первой мировой войны в немецком плену, кое-как умел изъясняться с немцами на их языке. Дойдя до Дьяченково, некоторые терешковцы, по совету деда Данилы да и он сам со своей женой и невесткой остались там с «милостивого» разрешения конвоиров, а мы поплелись дальше. Таким образом дошли мы до с. Дядин, где проживали маминь родственники. Я уж не помню, как и кто разрешил, но наша семья и несколько других остались в Дядине. Нас гостеприимно приняли наши родичи, накормили, разместили в своем доме. Так вот началась наша жизнь в оккупации.

Незадолго перед приходом фашистов нам пришло необычное письмо: строгий «казенный» конверт, запечатанный, с круглой печатью, адресованный Нарожной Пеллаге Марковне. Так как мама находилась на работе, письмо получил я, спрятал его за пазуху и с этой ношей целый день бегал с ребятами, занимался домашними делами. И только вечером, когда мама пришла с работы, я с ужасом обнаружил, что письмо исчезло, пропало, как будто его и не было. Бог мой, что было: до сих пор в ушах стоят крики, стоны мамы и бабушки, их плач в «голос». а я - лучше бы было мне сквозь землю провалиться! Бабушка со слезами заявила, что эта потеря говорит о том, что нашего папы уже нет, о том же твердила и мама, не переставая тужить как по мертвому. Навзрыд плакали и мы с Петром, но...

В конце августа нас нашел в Дядине папин брат Яков. Оказалось, что в ночь перед оккупацией он со своей семьей (жена, дочь Паша и сын Ваня) вместе с братом Гавриилом и его семьей (жена, сын, три дочери) запрягли своих заранее обученных коров в самодельную тележку и выехали в степь (это километра три южнее Терешково), в стенках оврага выкопали землянки и жили там. Туда же выехали и многие другие семьи, в которых были мужчины. Естественно, много увезти с собой они не могли, все продовольствие, одежда и прочее имущество остались дома, куда пришли оккупанты.

В один из дней июля 1942 года жена дяди Якова Арина Григорьевна с сыном Иваном и с двоюродным братом мужа Яковом Харитоновичем пошли в село, надеясь принести в степь что-либо из продуктов, одежду... Но в прифронтовом селе хозяйничали фашисты, и наши «ходоки» были схвачены, доставлены к коменданту, а потом были выведены в кусты недалеко от комендатуры и расстреляны. Вместе с ними были убиты в тот день еще четверо терешковцев.

Но дядя Яков, находясь в степной землянке, не знал, что его близких уже нет на свете, питал надежду, что может быть их немцы прогнали из села, и они ушли куда-нибудь – в Дьяченково, Полтавку...

Вот он и пошел из села в село в поисках своих родных и дошел до Дядина, где и обнаружил нас. К этому времени немцев на передовой сменили итальянцы, которые как-то мягче относились к мирному населению и разрешали передвигаться по оккупированной территории.

Дядя рассказал нам о своих мытарствах, много плакал, сожалея, что разрешил жене и сыну идти в село в лапы к немцам, подозревал, что жена и сын погибли; вместе с ним плакали бабушка и мама, плакали мы с Петром, плакали наши родичи.

На семейном совете решили, что и мы должны перебраться к своим терешковцам, и мы собрались и в тот же день ушли из Дядина.

Из Дьяченково мы двигались по «американке» (это дорога, построенная американцами во времена НЭПа, связывающая Дьяченково с Монастырщиной). Выйдя на терешковскую территорию, мы увидели небольшую группу коров, пасущихся метрах в 30 от дороги, и среди них узнали нашу «Маню». Когда мама окликнула ее, она громко замычала, прибежала к нам и пошла, как привязанная, за нами.

Придя в балку, мы выбрали себе подходящее место в стенке оврага, выкопали окоп, укрыли его, рядом выкопали «печку» и «зажили» на новом месте. Но как можно жить, не имея при себе ничего, кроме принесенной мамой битой-перебитой перины? Даже воды из родника набрать не во что, не в чем сварить пищу... да и из чего варить? Надо было пытаться пройти в село, чтобы выкопать картошки, взять хоть какую-нибудь посудину для воды, для приготовления пищи, а также, если повезет, найти какую-нибудь одежду, обувь, что-нибудь для постели...

В первый «поход» мы отправились вдвоем с мамой. При подходе к спуску с горы в Терешково, мы были обстреляны: стреляли наши из-за Дона, видимо, принявшие нас за итальянцев. К счастью, в нас пули не попали, но нам пришлось вернуться и искать безопасную дорогу в село. Мы сделали крюк, спустились в овраг, который вывел нас к селу рядом с кладбищем и за селом благополучно добрались до дорожки, ведущей к нашему огороду и дому. Придя к себе домой, мы обнаружили, что дом наш наполовину разобран (итальянцы использовали древесину из разобранных домов и сараев для обшивки стен в блиндажах), но так как наш дом был очень старый и бревна в стенах его были полусгнившие, то половина стен осталась неразобранной, над комнаткой-кухней даже потолок сохранился и входная дверь в ней была на месте, были разобраны и увезены и «верхи» сараев. Но яма в сарае напротив входа в дом осталась необнаруженной, а в этой яме был закопан небольшой ящик с зерном ржи- это была удача! Мы вскрыли эту яму, открыли ящик, взяли немного зерна, а потом ящик закрыли, присыпали землей и замаскировали, чтобы никто не обнаружил наш «клад», выкопали

немножко картошки, собрали яблок, подобрали во дворе пару куфаяк, старенькое одеяло (из дома все было пришельцами выброшено во двор). Передвигались мы по двору и огороду, пригнувшись, боялись, чтобы нас не обнаружили итальянцы. Когда собрали все приготовленное в одно место, оказалось, что мы все унести за один раз не в силах - пришлось собранное поделить; половину мы забрали в мешки, а остальное оставили под яблоней, прикрыв его бурьяном, в надежде забрать потом, во время следующего «похода».

Нагрузившись мешками, мы благополучно вышли за село, но когда проходили мимо улицы, на которой размещалась комендатура, нас задержал патруль из двух итальянцев. Солдаты что-то спрашивали на своем языке, ощупывали наши мешки, проверяли содержимое ведра, которое несла мама, о чем-то разговаривали между собой, спорили, но, в конце концов отпустили нас, ничего не тронув из нашей драгоценной ноши. Мы по оврагу вышли в степь и благополучно добрались до своего убежища. Теперь мы имели возможность приготовить хоть какую-нибудь еду, принести воды из криницы, застелить постель поверх соломы и бурьяна, прикрыться чуть-чуть дырявым одеялом. В следующий поход в село я отправился на следующий день уже без мамы, с соседом Колей Шевцовым, который был двумя годами старше меня. Теперь мы пришли не по оврагу, а по дороге -«американке», которая проходила в полукилометре южнее Тереково и связывала «монастырщинскую» дорогу с терешковской нефтебазой. Рядом с этой дорогой было засеянное подсолнечником поле, и мы шли не по дороге, а по междурядью подсолнухов, считая, что мы там надежно замаскированы. Мы благополучно добрались до своих подворий, загрузили свои котомки картошкой, яблоками, взяли с собой по чугунку и отправились «домой». Когда мы перешли через «американку» и вошли в подсолнухи, нас встретил итальянский патруль из двух солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. Один из солдат был настроен мирно, но второй снял винтовку с плеча, направил на нас, что-то кричал (одно слово мы только поняли -«партизан»), а второй

ему перечил, тоже что-то объяснял своему напарнику, потом они даже подрались между собой; в конце-концов они нас отпустили, на первый со зла надавал нам своим кованым ботинком и заставил нас бежать бегом, но все-таки отпустил, и мы, до смерти напуганные, бежали и бежали, все, ожидая выстрелов в спину, пока не попадали в изнеможении. Отдышавшись, мы продолжили свой путь и принесли своим драгоценные продукты и чугунки. Потом, успокоившись, мы с Колей еще несколько раз совершали «походы» в село за продуктами, но каждый раз все обходилось без приключений.

Жизнь продолжалась. Взрослые терешковцы-мужчины где-то нашли трактор ХТЗ, молотилку, нашлись среди них и умельцы - тракторист и машинист молотилки, и организовали обмолот снопов пшеницы, скирда которых была сложена во время хлебоуборки еще до оккупации рядом с оврагом, в котором жили все мы. Стараниями старосты было получено у итальянцев разрешение на обмолот хлеба, при этом половину добытого зерна забирали оккупанты. Но все-таки добытое зерно, справедливо разделенное на всех «едоков», было ощутимой помощью селянам для борьбы с голодом в грядущей зимовке. Для нас, пацанов при обмолоте хлеба тоже нашлась работа: мы оттаскивали от молотилки солому. Которую скирдовали наши мамы; волокушу при этом таскали коровы, запряженные в ярмо. Не занятые при обмолоте взрослые мужчины и женщины занимались подготовкой к зиме: в Каменной балке, готовились блиндажи, на несколько семей каждый; при строительстве использовались дубы и осины, росшие по откосам балки. Эта балка была выбрана для зимовки еще и потому, что там был колодец с хорошей питьевой водой. Одновременно со строительством блиндажей взрослые готовили корма для зимовки животных, устраивали навесы и загородки для размещения их. Когда блиндажи были подготовлены, а это было уже поздно осенью, все мы перебрались в Каменную балку. В нашем блиндаже разместились четыре семьи, для каждой был отгорожен свой уголок. Рядом с блиндажом

разместились навес с загородками, вместивший в числе других и нашу Маню, стог сена с соломой для кормления буренок.

Рядом с Каменной балкой было большое, засеянное ячменем. Во время бомбежки посевы сгорели, но обгорелое зерно в колосках годилось для употребления в пищу, поэтому все, кто мог двигаться. В том числе и мы, пацаны, были заняты сбором колосков. Для размельчения зерен использовались различные ступки, такие как гильзы от снарядов, а в одном из семейств, наших соседей по блиндажам, нашлась и вывезенная из села примитивная мельница. Из которой выходила смесь крупы с мукой, годной даже для выпечки хлеба, лепешек.

Пришла зима. Выпавший снег укрыл землю, сбор колосков прекратился. Зима, холод усложнили нам и без того нелегкую жизнь. Небольшие печурки в наших «квартирах» еле-еле поддерживали плюсовую температуру, мы постоянно дрожали от холода, согревались, тесно прижавшись друг к другу. Лежа на сколоченном из жердей топчане с соломенной постелью, укрывшись дырявым одеялом. А тут еще постоянно хотелось кушать...

Но надо было выходить из «хаты», так как скотинка требовала ухода, коров надо было кормить. Поить, убирать навоз и т.д. До смерти не забуду, как мы водили коров на водопой к колодезю, расположенному в низине балки метрах в четырехстах от нашего зимовья. Ноябрьский мороз под 30 градусов, ветер через полотняные штанишки обжигали ноги, ступни ног замерзали в рваных ботинках, руки коченели в тоненьких самодельных рукавичках, куфайка не могла согреть тело, хотелось, но было нельзя и негде спрятаться от дух захватывающего холода... А из колодца надо доставать ведром воду, наливать ее в каменное корыто...Напившись, коровы рысью бежали домой и мы за ними следом.

Наш степной поселок часто навещали группами немцы и мядьяры. Это были артиллеристы дальнобойной батареи, расположенной в развилке, где сходились два оврага в один, идущий с терешковских полей в Дьяченково, они обслуживали орудия со стволами д.200мм и длиной метров по 8...10,

снаряды которых доставали за Доном Бычок, Петропавловку... «Гости» требовали и забирали у нас молоко, искали партизан, грозились расстрелами в случае обнаружения их в селе.

А партизаны в самом деле приходили в наш поселок. Михаил Иванович Гениевский, наш односельчанин, несколько раз приходил из-за Дона к своим землякам, рассказывал о положении на фронте, о разгроме немцев под Москвой, о сражениях в Воронеже, о скором и неминуемом изгнании захватчиков и нашем освобождении. Эти рассказы укрепляли веру терешковцев в нашу победу, надежду на скорое возвращение к родным очагам.

В декабре вера селян в скорое избавление то оккупантов укрепилась, т.к. даже в нашу заснеженную балку стал доноситься гул от разрывов снарядов, а по дороге, ведущей из Богучара и Дьяченково в сторону Чертково, Миллерово, т.е. на Запад, все чаще стали двигаться какие-то машины, повозки, потом сначала небольшие группы, а вскоре и колонны отступающих завоевателей.

Наконец настало 19 декабря 1942г. Всю ночь под этот день и утром до нас доносилась канонада- это «Катюши» громили врага, освобождая богучарщину от полугодового порабощения фашистами. С наступившим днем в наш поселок пришли наши- взвод или, может быть, рота молодых солдат-сибиряков 22-го-23-го года рождения. Все терешковцы, от мала до велика, высыпали «на улицу», радостно встречая своих освободителей. Сибиряки сразу же арестовали старосту - молодого мужчину, дезертировавшего с военного завода в Луганске и скрывавшегося в Терешково в погребе у родственников до прихода немцев, а потом назначенного оккупантами старостой взамен старика, который помог односельчанам хоть в какой-то степени обеспечить себя зерном. Когда солдаты вели арестованного по поселку, на дороге, ведущей от немецкой артбатареи к Каменной балке показалась группа человек из 20 вооруженных немцев и мадьяр, направлявшихся к нашему зимовью. Зачем они шли?

Взрослые говорили потом, что эта банда направлялась в наш поселок, чтобы уничтожить всех нас...

Сибиряки, оставив с арестованным старостой одного воина, бросились навстречу банде, стреляя из автоматов. Офицер-эсэсовец, ведущий банду к селу, видя безвыходность своего положения, подорвал себя гранатой, с ним погибли и несколько рядовых солдат, остальные побросали свои винтовки, автоматы и подняли руки, их потом отправили под конвоем в Дьяченково...

Сибиряки же вернулись в поселок и вместе с терешковцами стали праздновать наше освобождение от оккупантов.

А по дороге на Дьяченково потянулись колонны плененных итальянцев, мадьяр...

Теперь настала пора возвращаться к родным пепелищам: в селе, насчитывающем почти две с половиной сотни дворов, целыми, годными для

жилья, остались не больше десятка домов, остальные были разрушены бомбами и снарядами, а «Цыганок» весь был сожжен то ли пришельцами, то ли нашими зажигательными пулями и снарядами из-за Дона.

Дом дяди Якова остался цел, так как в нем во время оккупации жил какой-то итальянский чин; в доме дяди Гавриила был снят «верх», а стены с потолком сохранились, печь тоже осталась целой, разрушена была дымовая труба. После «разведки», проведенной дядями, решено было перебираться всей родней в дом дяди Якова, а потом, подготовив под жилье разрушенные жилища, расселиться каждой семье по своим подворьям.

Перебираться в Терешково было страшно: всюду лежали убитые итальянцы, мадьяры, немцы, а ближе к Дону - погибшие наши красноармейцы; валялись во множестве гранаты, снаряды, минометные мины; во многих местах дорогу преграждали заграждения из колючей

проводами, трогать которые было опасно, т.к. они могли быть заминированными.

В первый же после возвращения в Терешково день дядя Яков пошёл искать могилу своих жены и сына и с ним пошёл и я. До сих пор у меня перед глазами незабываемая картина: дядя лопатой и руками раскопал тут окопчик, нашёл тела жены и сына- об этом без содрогания нельзя вспоминать! В том же окопчике нашли мы останки Нарожного Якова Харитоновича, двоюродного брата дяди Якова, Гавриила и моего отца, а также убитых вместе с нашими родными Репченко Василия, Козырева Алексея, ещё двух терешковцев, имена и фамилии которых не помню; тело одного из этих двоих мы нашли в кустах тёрна метрах в десяти, напротив окопчика.

Потом на месте окопчика выкопали могилу, сложили туда останки всех семерых, присыпали землей, но полностью засыпать не стали, т.к. не было креста и изготовить было не из чего.

Поэтому на следующий после похорон день дядя Яков запряг в сани наших коров и, взяв меня себе в помощники, отправился к месту нашей зимовки, где на склонах балки росли подходящие для изготовления креста дубы. Там дядя выбрал подходящее дерево. Срубил его. Очистил от сучьев, и мы вдвоем еле-еле вытащили его из оврага, т.к. дерево росло почти в русле оврага, а он ведь глубокий очень, склон чуть-ли не отвесный, потом мы погрузили дубок в сани и привезли в село. Из дубка дядя изготовил крест, мы установили его на могиле и засыпали землёй. Простоял этот крест почти сорок лет, а потом на могиле установили металлический памятник со звездой.

А жизнь продолжалась, шел 1943-й год. Нужно было перевезти домой корм для коров, найти материал для восстановления порушенных жилищ и сараев, а этот материал был в бывших вражеских блиндажах, войти в которые было страшно из-за оставленных там гранат, а во многих местах блиндажи были и заминированы.

Начинал действовать и наш колхоз им.Калинина, председателем которого был назначен дядя Гавриил. Это было невероятно трудное время:

все все было разрушено, разграблено, из техники имелись только упомянутый выше трактор ХТЗ и молотилка; коровы, волю, лошади еще перед оккупацией были угнаны куда-то за Дон, туда же были отправлены и трактора из нашей Дьяченковской МТС и колхозная автомашина-полупорка, не было в колхозе и семян для предстоящей весенней посевной, надежда была на помощь государства.

*С наступлением весны для всех селян забот прибавились: надо было убрать с полей выросшие в человеческий рост бурьяны, подготовить поля к вспашке и вспахать, чтобы хоть часть их засеять зерновыми. Наряду со взрослыми для удаления с полей зарослей бурьяна были привлечены и мы, будущие учащиеся 4-го, 5-го классов. Эту работу под руководством наших учителей выполняли мы своеобразно: мы набирали с собой охапки пороха от снарядов дальноточных орудий (порох представлял собой полуметровой длины линейки сечением 3*30мм или такой же длины трубки диаметром 8...10мм, запихивали эти охапки под куфайки. Взяв из-за пазухи одну линейку или трубку, работник поджигал ее и пламенем поджигал бурьян. Ветерок помогал распространению огня. Но почему-то ни до чьего сознания не дошло сначала, что порох может загореться и за пазухой. В один из дней это случилось со мной: охапки «линеек» вспыхнули за моей куфайкой, пламя обожгло мне лицо, сожгло волосы, выглядывавшие из-под шапки, ресницы, брови, но, к счастью, глаза я успел закрыть и они не пострадали. Целых две недели я был вынужден отсиживаться дома. А когда человек не занят каким-либо делом, голод донимает особенно сильно, но утолить его было нечем, кроме выкопанной из оттаявшей земли мерзлой картошки, да сухой лебеды, из которой наша мама пекла лепешки. Потом, когда ожоги зажили, я со своими сверстниками участвовал на «весновспашке» колхозного поля: каждому из нас давалось задание лопатой вскопать за день 0,01га – это одна сотка, т.е. 100м² (участок 10*10м). После такой «вспашки» ладони горели, появлялись волдыри, но зато нам за работу начислялись трудодни,*

мы наряду со взрослыми включались в бухгалтерские ведомости. В то время этому факту никто из нас серьезного значения не придавал, но благодаря тем ведомостям при достижении пенсионного возраста мы, в то время двенадцатилетние пацаны, удостоены звания «тружеников тыла» и к пенсии начислена надбавка.

***А война продолжалась, и конца ей не было видно.** Мы всегда находились в состоянии ожидания писем, а их не было и не было. В село стали приходить раненные в боях солдаты-терешковцы, несущие односельчанам страшную правду о войне. Все чаще почтальонша приносила страшные извещения о погибших на фронте терешковцах. Забегая вперед, скажу, что из 18 мобилизованных в один день с нашим отцом селян к концу войны живыми остались только три человека, а на обелиске, установленном на площади напротив нашего двора, укрепленна таблица, вместившая 108 фамилий терешковцев, погибших на фронтах ВОВ, в т.ч. и фамилия нашего отца.*

С большим трудом терешковцы справились с весенней посевной кампанией. Государство помогло колхозу: из Кантемировка на коровах, на волах были доставлены несколько тонн семян яровых ячменя, пшеницы, которыми были засеяны подготовленные под посев площади. Сев проводили конными сеялками, в которые запрягались коровы колхозников, а также вручную стариками, имеющими навыки в этом деле еще с дореволюционных времен. Но большинство полей еще были заняты сорняками, ждали своей очереди. Закончив посевную, колхозники принялись за вспашку пустующих полей под пары, предварительно уничтожая заросли бурьяна описанным выше способом. Вся тяжесть вспашки опять легла на наших буренок, по три пары запряженных в однолемешные плуги. Погоньщиками наших «Манек», «Бровок», «Лысок» были мы, 12...13 летние пацаны. Не могу упустить случая, сказать доброе слово о нашей «Мане»: она так старалась тащить свою часть ярма в упряжке! А когда наступало время обеденного перерыва,

она, поев травы и напившись воды, шла к своему рабочему месту, ложилась возле своего ярма и отдыхала до конца перерыва.

В один из дней на поле, где мы пахали, был найден в зарослях бурьяна труп погибшего в декабрьском бою красноармейца. Он был в шинели, ноги обуты в валенки, на голове шапка-ушанка со звездой, рука сжимала винтовку со штыком. Мы сообщили о «находке» в село, и вскоре за ним была прислана подвода и его увезли в Дьяченково. Никаких документов при погибшем не было - это был еще один из тысяч безымянных героев, погибших в боях за Родину: «Имя его неизвестно, память о нем будет вечной». Наверное, так же где-то похоронен безымянным и наш отец-солдат.

Незаметно пришла пора уборки созревших хлебов. Хоть и небольшие площади были засеяны по весновспашке, но и их убирать было нечем: в бригадах удалось подготовить только по одной косилке-«лобогрейке», запрягать в которые надо было тех же наших буренок, так же вышли на косовицу хлеба пожилые мужики с косами. Мамы наши вязали снопы, а многие и косили хлеб косами наравне с мужиками. Нам же, пацанам, была поручена работа по подборке снопов и их переноске и складыванию в копны. Как мы старались! Босиком по колючей стерне, взяв под мышки под каждую руку по снопу, а кистями еще по снопу, держа их за перевясла, мы бегом переносили свою ношу по полю, стремясь опередить друг друга, складывали снопы в копны (каждая копна-это две полукопны по 30 снопов). Работа не из легких, особенно когда постоянно хочется есть и утолить голод нечем.

Во время уборки колхоз получил от государства ссуду - несколько центнеров суржи (это смесь зерен ржи, ячменя, пшеницы). Из полученной из этой суржи крупы повариха варила занятым на уборочных работах кулеш, чуть сдобренный маргарином. Правда, кулеш был горьковатым, с привкусом полыни, но поедали мы свои порции с превеликим удовольствием.

А особенное блаженство мы испытали, когда нам стали давать к обеду настоящий пшеничный хлеб, испеченный из муки размолотых зерен нового урожая.

Приближалось 1 сентября 43-го, надо было готовиться к школе. Мама, как умела, сшила нам рубашки, штанишки, используя трофейные итальянские гимнастерки и брюки, верхнюю одежду сшила из итальянских же шинелей. Обулся я в итальянские ботинки-скарбы, великоватые, правда, но выбирать было не из чего. Для Петра нашлись домашние черевички. Носки для нас вязала бабушка из ниток от распущенных итальянских вязаных обмоток, выполняя эту работу на ощупь, т.к. глаза ее еле-еле видели дорожку во дворе.

Здание нашей школы было разрушено оккупантами, поэтому в качестве учебных помещений были приспособлены сохранившийся дом Митченко Василия Петровича и кое-как восстановленная хата, в которой до оккупации размещались детские ясли. Учителя - наши терешковские девушки, перед оккупацией закончившие Богучарское педучилище, Нарожная Надежда Алексеевна и Цыбулина Анна Васильевна, а также девушка из Полтавки - Забудько Софья Степановна, военруком был упомянутый выше Мизинкин Влас Демьянович. Моя любимая учительница Шубина А.И., куда-то уехавшая перед оккупацией, в село больше не вернулась, и я так ничего и не знаю о ее судьбе.

Когда мы собрались в классе (мой 5-й класс - в бывших детских яслях), выяснилось, что ни у кого из нас нет учебников, тетрадей, ручек, карандашей, чернил...

... На этом записи нашего отца обрываются. Что-то отвлекло его, не дало возможности закончить воспоминания о военном детстве. А потом он тяжело заболел и больше уже не вернулся к своему рассказу.

Я немного расскажу о его жизни.

Война наконец-то закончилась, пришла долгожданная Победа! Кому-то из наших односельчан повезло, и их солдаты вернулись домой, но наш дедушка Нарожный Петр Архипович остался где-то на поле боя и до сих пор мы не знаем, как и где он погиб. Он так и остался «пропавшим без вести». Семья осталась без кормильца, и все тяготы жизни легли на плечи нашей бабушки Нарожной Пелагеи Марковны, а ее сын (наш папа) был главным ее помощником, рано став взрослым. Он быстро научился всему, помогая своим дядям Якову и Гавриилу и вспоминая, как отец выполнял ту или иную мужскую работу. Я не помню, чтобы наш отец чего-то не умел делать. В родительском доме до сих пор живы сделанные его руками еще в ранней молодости табуретки и кухонный стол. Да и сам дом и все постройки во дворе - дело его рук. Все, за что он брался, было сделано основательно, продуманно - на века. Даже в нашем студенческом общежитии, только что построенном и не обжитом, он сделал, как говорится, из ничего прекрасный кухонный уголок: стол и полочку, которыми, я думаю, еще много лет пользовались те, кто жил в комнате после нас, когда мы с девчонками уехали после окончания учебы.

Он работал всю жизнь, много учился, любил читать, очень хорошо и задушевно пел и сам научился играть на многих народных инструментах: баяне, домре, мандолине, гитаре. Ни один праздник в нашей семье не обходился без песен под папин аккомпанемент. Незабываемы летние вечера во дворе родительского дома конца восьмидесятых годов! Бабушка, мама, мы с братом и двоюродной сестрой, наши мужья, жены, дети- и папа на ступеньках крыльца с мандолиной в руках. И обязательно:

«Деревня моя, деревянная, дальняя,
Смотрю на тебя я прикрывшись рукой,
Ты в лёгком платочке июльского облака,
В веснушках черёмух стоишь над рекой.
Ты в лёгком платочке июльского облака,
В веснушках черёмух стоишь над рекой.»

Наш отец прожил достойную жизнь. Тяжелое детство, веселая, хотя бедная и голодная юность, училище, техникум и институт заочно, служба в Советской Армии, работа в целинных степях по комсомольской путевке, возвращение уже навсегда в родное село, жена, дети, внуки... Счастливые время последних двух десятилетий советской власти, когда мирное небо над построенным собственными руками домом, в профессии полностью состоялся, достаток в доме и можешь даже позволить себе небольшую легковушку и путешествия в отпуске с семьей по Великой стране, в далекий Узбекистан, где волей судеб оказались родные люди.

Он был любящим сыном, верным и надежным мужем, прекрасным отцом и самым лучшим дедушкой. Скромный, немногословный, не ждущий ни похвалы, ни наград за свои труды, но всегда готовый решить любую жизненную проблему без лишней суеты и не надеясь ни-на кого, обычный русский мужик с большим добрым сердцем и открытой миру душой - это он, наш папа Нарожный Егор Петрович».

**Опубликовал воспоминания прадедушки Егор Нарожный,
Объединение «МедиаСреда» ДДТ**